

МАРИЯ НЕКРАСОВА

**Душа
демона**

Мария Некрасова

Душа демона

«ЭКСМО»

2011

Некрасова М. Е.

Душа демона / М. Е. Некрасова — «Эксмо», 2011

После того как Никита упал с крыши – да, да, именно с крыши десятиэтажного дома, – он очнулся у подъезда на лавочке в компании демона Ярика и его начальника, маркиза ада, Гамигина. Демоны сообщили ему, что он умер и, для того чтобы не попасть в преисподнюю, ему нужно спасти свою душу. Но прежде чем соглашаться, Никита должен как следует подумать... ведь задание, по словам демонов, предстоит очень сложное и трудоемкое.

© Некрасова М. Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Некрасова

Душа демона

Глава I

Пари на пять пуговиц

Разноцветные новостройки закрыли вид на старый микрорайон. На красивом балкончике с коваными перилами висели застиранные на фоне свежей краски голубые ползунки. В открытых окнах мелькали фигурки. Ярик старался не приглядываться, но привычка смотрела за него: «Семьдесят, двое детей, дом под Дедовском и вышитый ослик».

– Полпуговицы за тобой со вчерашнего вечера. Отыграться попробуешь? – Васька-приятель тасовал колоду и тоже смотрел на новостройку, людей в окнах и ползунки на балконе.

– Сорок лет, двое детей, кандидатская и надпись: «Кристина дура» на гараже. Раздавай.

В одно предложение, бессмысленное, на человеческий взгляд, Ярик уместил всю биографию хозяина ползунков: сколько проживет и что после него останется. Не навечно, а лет еще хотя бы на двадцать. Дальше Ярик знать не может, чином не вышел.

– Значит, гараж не снесут и не отремонтируют. – Васька глянул на крошечную проржавевшую постройку внизу. Уж сколько демоны повидали и ремонтов, и новостроек, и сносов, а Васька испытывал странную привязанность к одинокому гаражу во дворе. На его низенькую крышу все время забираются, обрывая пуговицы, ребята из окрестных домов. Гараж – Васькино любимое «рыбное место», где можно набрать пуговиц.

Солнце отражалось в жестяной крыше торгового центра, освещало новостройки и угол пятиэтажки, ехидно подмигивающей из-за новых домов: «А вот я сейчас кому-то весь вид испорчу!» Из окон дома напротив сочились гордыня и зависть. Грешники всегда ходят сотнями, как солдаты, и все по форме одинаковые. Пехота – отдельно, у нее своя форма, отдельно кавалерия, у нее – своя. Своя у танкистов и авиации. А солдата-универсала – не встретишь: как надел одну форму – так тебе в ней и ходить. Вот и грешники – так же. Целый домин, квартир на пятьсот, а из каждого окна – гордыня и зависть, гордыня и зависть...

Ярик покрутил пальцами: «Эники-беники...», ткнул наугад в окно на первом этаже и приказал:

– Гнев!

За открытым окном на кухне завтракала семья: сонный мальчик лет двенадцати, мама в халате, папа с газетой. На блюде в центре стола лежал одинокий последний бутерброд. По приказу Ярика в окно ворвался скворец, схватил бутерброд с тарелки и закружил с ним по кухне, ища выход. Птичка была маленькая, бутерброд большой, он перевешивал, тянул скворца к земле вниз головой, да еще заставлял странно прихрамывать в полете.

Сонный мальчик сразу проснулся и захихикал, мама перехватила его взгляд, увидела скворца и тоже заулыбалась. Ярик понадеялся на отца, но и тот не спешил брать на себя смертный грех: отложив газету, он с любопытством наблюдал полет воришки и хоть бы чуть-чуть нахмурился.

– Гнев! – Ярика раздражало, когда что-то не получалось, как следует. А, между нами, не получалось довольно часто.

Скворец-искуситель взмыл к потолку и, то ли от натуги, то ли задумал так, метко испортил чай главе семейства.

Хохот вырвался из окна, из которого минуту назад сочились гордыня и зависть. Хотел добавить гнев, а сделал только хуже.

– Все паясничаешь? – Деликатный, деликатный Васька, он всегда делает вид, что не верит в бездарность Ярика. Притворяется дурачком, якобы думает, что Ярик специально косячит, потому что хочет дурачиться, а не работать. Хотя в душе, конечно, Васька все понимает. Ходит за Яриком, как за маленьким, исправляет его ошибки.

– Я не хотел...

– Оправдывайся! Такую гордынку загубил! Папаша-то на днях получил новую должность и уже собрался избавляться от некоторых друзей по такому случаю. Увидел скворца, что-то свое вспомнил, смягчился...

– Вижу, – проворчал Ярик и зачем-то добавил: – Шестьдесят семь, один ребенок, татуировка на плече сторожа: «Коля».

– Ладно, – вздохнул Васька, – должен будешь. – И сам приказал:

– Гнев!

Где-то внизу взвыла сигнализация, другая машина подхватила, за ней – третья, четвертая... Какофония разных сигналов оглушила двор. Гнев хлынул из каждого окна: из новостройки, из всех окрестных домов и, кажется, даже с соседней улицы.

– Ну вот, другое дело, а ты все паясничаешь! – Васька самодовольно тасовал карты. – Играем?

Васька хороший друг, – для демона, конечно, – но в карты всегда жульничает. Вот только раздал, а у самого уже четыре туза – думает, что Ярик не видел, как он тасует.

– Пересдай.

– Извини. Я первый раз, честно! – Если Васька так говорит, значит – точно вчера жульничал. А Ярик задумался и не заметил, продул этому Ваське драгоценные полпуговицы. Для человека пуговица, может, и пустяк, но не для демона. У тех, кто знает цену всему на свете, вообще странные ценности.

Пересдали. Васька зашел с пиковой шестерки – точно видел, что у Ярика пик нету и один-единственный мелкий козырь. Пришлось взять. Уличить его в жульничестве второй раз было бессмысленно: Ярик не видел, и Васька отбрехается только так.

– Не передумал насчет плоти? – Васька понял, что Ярик его подозревает, и теперь заговаривал зубы. Ярик покачал головой и с двойной бдительностью уставился в карты. Но игра не затягивала, а Васькин вопрос прозвучал так до обидного буднично, как будто это легко – обрести плоть. Да если бы только обрести – в ней еще и жить придется! Болезни, голод и обязательное утреннее приготовление кофе, когда надо бежать по делам – вот что такое эта плоть. Но кто бы подсказал иной путь...

Нет, в аду хорошо кормят (кормили бы, если бы демоны чувствовали голод), но Ярик за несколько лет так и не свыкся со своим статусом. Не научился хитрить, искушать, даже к пеклу толком не привык. Он, как и все, сначала думал, что это какая-то канцелярская ошибка и ему не место в аду. Но эти все быстро освоились, а вот Ярик – не смог. Не прижился. Даже из друзей нажил только Ваську, хотя такие мелкие демоны, как они, обычно ходят стайками.

Ярик хотел второй попытки. Пройти жизнь земную еще раз, да так, чтобы не оказаться после опять в аду. Ну или просто пожить на земле, хоть лет пятьдесят, без ежедневной работы и стыда за свою бездарность. Но чтобы демону попасть на землю, надо здорово провиниться. История со скворцом – обычный рабочий косяк, Гамигин и не заметит.

– Не передумал. – Ярик взял карту, и радостный Васька тут же насыпал ему еще. – Не место мне в аду, Вася, смотри какая здесь красота. – Он повел рукой, показывая на крышу, новостройки и застиранные ползунки на балконе. Но Васька видел только ползунки.

– Дурь, – авторитетно заявил он, побивая туза семеркой. – Блажь, с жиру бесишься. Начало века, все сами не свои. Аббадон знаешь, что учудил? Хочет свою армию на контракт перевести: сто пуговиц в год рядовым, триста – младшим офицерам. Значит, опять жди инфляции, а у меня все сбережения в Асмодей-банке...

– Убери. – Ярик подковырнул Васькину семерку. Достал он со своим банком. – Пока реформа-инфляция, давно бы все снял да вложил в дело.

– Нет у меня никаких дел, – погрустнел Васька, но семерку не убрал. – Оставайся, вместе что-нибудь придумаем! – Он быстро скинул карты в отбой, и Ярик не успел его остановить.

– Опять ты!.. Ладно, Вась, вопрос уже решен, и вариант я придумал беспроегрышный. Тебя с собой не зову...

Васька не понимал этой затеи с плотью и раем после земной жизни: «Да что там делать, в раю, да скука смертная и компания нудная». А Ярику банально хотелось в небо. Мечты о полете, они ведь не только у людей случаются. Хотелось видеть облака, и человечков-блох, и дома-коробочки. Хотелось ветра и добрых дел. Ярик и на крышу-то за этим полез, а уж как пришлось уговаривать Ваську!

Да дело даже не в высоте. Просто Ярик чувствовал, что чужой в своей компании. Делает зло без особого удовольствия, даже гнев вызвать толком не может. Даже в карты жульничать не научился. Вон, Васька, он же не из вредности Ярику пик не раздал! Просто у демонов это часть игры: кто кого пережульничает, перехитрит. Игра же так и называется: «Дурачок». А Ярик так и не научился жухлить. Васька еще подыгрывает ему, убогому. Но полпуговицы просто так не простит, карточный долг – это святое.

– Не-не! – Васька замахал руками, подкидывая к восьмеркам валета. – Этого еще не хватало! Хочешь под плотью сгнить – твое дело, а меня в это не впутывай. Если Гамигин узнает...

– Отправит меня прямо на землю! – рассмеялся Ярик. – Ну или испепелит...

– Вот-вот! – Васька назидательно погрозил пальцем и подкинул еще одного валета. – Оно тебе надо? – Он сощурился от солнца и проворчал еще что-то о мозгах. Ярик же почти наслаждался. Жар от утреннего солнца был не больше, чем у них в аду, лицо приятно припекало, ну если бы у Ярика было лицо. Тополиный пух – майский снег радостно забивался в ноздри. Ну, если бы у Ярика были ноздри. Горячая от солнца жесть на крыше жгла бы ступни и седалище, если бы, опять же, у Ярика было то и другое.

Свою земную плоть Ярик хорошо помнил, они расстались друзьями и не слишком давно. Она все время болит и требует есть, этого хватит любому демону, чтобы раз и навсегда забыть мечтать о плоти. И все же это лучше, чем ад...

– Надо...

Из окна пятиэтажки капнуло уныние. Пока Ярик соображал, чего бы такого добавить для коктейля, Васька придумал и сделал:

– Чревоугодие! – Тотчас во двор въехала передвижная палатка-прицеп со всякой снедью. Потарахтела, погудела, привлекая внимание, хотя в этом не было нужды: палатка благоухала копченостями на весь двор. Из окна выглянула женщина, оценила подарочек и пропала, чтобы через минуту спуститься во двор к палатке.

– Ловко ты! – похвалил Ярик. – Валетов убери.

Васька самодовольно улыбнулся и зачем-то добавил еще:

– Уныние!

Ярик не заметил никаких искушений, а уныние полилось почти что из каждого окна. И к палатке с продуктами зачастили люди...

– Я им горячую воду отключил, – объяснил Васька, подкидывая третьего валета. – И как же ты думаешь выбираться? Ну, на землю-то?

У Васьки был благодушный вид толстого, довольного жизнью кота, который налопался сметаны и теперь требует развлечений: «Давай, расскажи мне, Ярик, сказку, как-то ты на землю выбираться думаешь». «Обойдется! – подумал Ярик, впадая в зависть, гнев и гордыню одновременно (ну если бы он был смертным, грехи демонов никто не считает). – Обойдется, шулер-задавака. Чтобы я делился с ним сокровенным, а он посмеивался!» Но Ярику стало стыдно, друг все-таки, и он ответил:

– Душу спасу. Убери, наконец, валетов!

– ДУШУ?! – Васька открыл рот и подкинул четвертого валета, козырного. – ЖИВУЮ?!

Да ты с ума сошел!

Ярик даже не сказал: «Нет, блин, мертвую!» – только повел бровью. А Васька впечатлился не на шутку. Он подкинул в кон оставшиеся в руке карты, встал и заходил по крыше туда-сюда:

– Ну, во-первых, у тебя не получится...

– Что так?

– Да ты даже гнев вызвать не можешь!

– А наоборот – смогу!

Васька с сомнением хмыкнул:

– А во-вторых, ты же не себе, ты ГАМИГИНУ план завалишь!

Ярик улыбнулся. Именно этого он и хотел:

– И в наказание он отправит меня на землю. На то и расчет.

– Чокнутый! Просто чокнутый демон! С кем я работаю, с кем играю?!

– Валетов убери...

– Нет, это немыслимо. – Васька проигнорировал замечание про валетов. – Как твой друг, я просто обязан тебя остановить!

– А я думал, ты мне поможешь.

– Я?! Да скажи спасибо, что я не бегу доносить на тебя прямо сейчас! С Гамигином у меня свои счета...

Ярик захихикал. Все-таки демоны похожи на людей уже тем, что одинаково не любят начальство.

– Ну Вась...

– Ладно, и не побегу! – милостиво согласился Васька. Все равно у тебя ничего не выйдет.

– Выйдет, вот увидишь.

– Спорим? Если отправишься на землю, так и быть, прощу тебе полпуговицы. А нет – вдесятеро должен будешь!

Васька умеет во всем находить выгоду, вот и сейчас решил подзаработать.

– Если поспорим, ты же мне мешать начнешь!

– Никогда! – Ах, какие честные глаза. – Мне просто интересно, как далеко может зайти такой чокнутый, как ты. И чем это может кончиться.

В чердачном окне за спиной послышалась возня. Вот и души пожаловали: спасай – не хочу! Школьники, лет по тринадцать, ворвались на крышу, прошли сквозь негодующего Ваську, громко болтая, уселись на край, проделали ноги сквозь решетку низеньких перил. Они прогуливали школу и любовались утренней Москвой. Им было хорошо и красиво.

– По рукам! – Ярик смахнул карты, и они закружились-западали во двор, на крышу гаража, где в ближайшие годы не будет ремонта, зато появится надпись: «Кристина дура».

Глава II

Последний день

Школьная спортплощадка с крыши Никитино дома прекрасно видна, а крыша с площадки – нет. Кому пришло в голову устраивать физру в последний день учебы?! Да еще первыми уроками!

Ребята, чьи родители рано уходили на работу, смотрели дома десятый утренний сон. У Никиты же дома был отец (взял отпуск на днях), у Лехи – бабка (при ней не поспишь), у Дэна – мать (тоже в школу выгнала). Мальчишки сидели на крыше, болтали и смотрели, как бродит по пустой площадке злющий физрук Михалыч. Он расхаживал туда-сюда, сунув руки в карманы, пинал врытые в землю шины и наверняка ругался себе под нос.

– Маски-шоу! Интересно, к завучу жаловаться пойдет?

– За пивом он пойдет!

– Не, у него еще пять уроков...

– Думаешь, кто-то явится?

Мальчишки болтали, Михалыч бродил по площадке, не подозревая, что на него смотрят и обсуждают его планы. А Никита думал: «Вот так вот живешь и не знаешь, с какой крыши за тобой следят». Он не жалел физрука, – чего его, вредного, жалеть, – просто думал. Тополинный пух – майский снег радостно забивался в ноздри. Горячая от солнца жесь на крыше жгла ноги и седалище.

– Куда на лето? Мы в Грецию! – Большой вопрос для Никиты. Дэн спросил так, от нечего делать, а Никита сразу вспомнил, что на лето он никуда. Этим летом накрылась и Турция, и даже в какой-нибудь паршивенький летний лагерь путевку не выпросишь: «Денег нет, и ты нужен нам дома...»

– В спортивный лагерь на море, – похвастался Леха. – Я уже ездил в том году, рассказывал вроде.

Никита кивнул: «Да, рассказывал» – и, чтобы его не спросили о каникулах, стал спрашивать сам:

– И не лень тебе в спортивный-то?

– Не, там здорово! Плавание, волейбол, единоборства. Хошь приемчик покажу?

– Отлипни. – Говорить это не стоило. Леха понял, что наступил на большую мозоль, и пошел гулять по ней дальше:

– Что, никуда не едете?

– Съездишь тут!

Помолчали. Физрук свернул с площадки и направился в сторону школы.

– Точно стучать пошел!

– Да спать он пошел! У него диванчик в тренерской... – Леха мечтательно зевнул. – И телевизор.

– Мои старый диван выбрасывают, давайте сюда затащим для Лехи! – Никита развеселился. Представил, как они затаскивают сюда эту бандуру два на два метра, она в дверь-то не пролезет!

– И телик! У моей бабушки старый есть!

– А холодильника у нее не завалилось?

В новостройке рядом открылось окно, оттуда выглянула красная заспанная физиономия. Пока Никита гадал, мужчина это или женщина, физиономия открыла рот и завопила басом:

– А ну, брысь отсюда, пионеры! Вечером от вас покою нету, дайте хоть утром выспаться!

– Мы же не шумим! – возразил Леха.

– А чего вы не на работе? – проворчал Дэн и был не прав.

– Считаю до трех и вызываю милицию!

– Вызывайте! – Никита махнул рукой и демонстративно уставился вниз, во двор. Эти из новостройки все время орут и грозят милицией. Один раз и правда вызвали, но в основном дальше угроз дело не заходило.

Физиономия проворчала что-то о малолетках и захлопнула окно.

Мальчишки притихли. Обсуждать, вызовет ли физиономия милицию или так пугала, считалось признаком трусости. Все старательно делали вид, что вот еще минута – и они забудут об угрозе.

Никита болтал ногами на краю крыши, упершись пузом в низенькие перила, и разглядывал носки кроссовок высоко над землей. Десять этажей, а по сравнению с домом, из которого кричала физиономия, их крыша выглядела пеньком у подножия столетнего дуба. Леха, наверное, чтобы не молчать, продолжал наступать на мозоли:

– Как твоя мать-то? Что врач говорит?

– Какую-то муть. Вроде по-русски, а я ни черта не понял.

– А отец?

– Говорит: «Не дергай меня», – на любой вопрос. И пиво по вечерам опять... Ну его.

Мать увезли в больницу вчера днем, с одним из тех диагнозов, которые мальчикам сообщают сквозь зубы и с присказкой: «Ты все равно не поймешь». А понимать-то и не надо. Надо знать, что с матерью все будет в порядке, а вот этого как раз никто не обещал. Отец бесил Никиту своим отпуском (весь день дома!), вечерним пивом и этим: «Докрась комнату!» – таджика себе нашел!

В общем, обстановочка дома была та еще: Никита, была б его воля, вообще бы там не появлялся, максимум – приходил бы ночевать. Да он почти так и делал: пропадал целыми днями на крыше и думал о всякой ерунде. Иногда они с мальчишками брали гитару и, прячась за трубой, чтобы их не видели из окон новостроек, распевали. Почему-то из-за песен бесились именно обитатели новостроек: орали из окон, раз даже вызвали милицию. А жителям пятиэтажек музыка по барабану.

Внизу, прямо под ногами, хлопнула дверь подъезда, и вышел Никитин отец. Одет не по рабочему – в джинсы, значит, пошел недалеко, в магазин, может быть. Даже сейчас, в отпуске, он иногда уезжает на работу, на полдня или меньше, но сегодня не повезло. Никита смотрел на знакомую лысину и думал, что, если плюнуть, его обязательно заметят и наорут.

Прогуливать последний школьный день было неинтересно и чуточку обидно: как будто крадешь то, что тебе и так причитается. И еще – скучно. Обычно ребят на крыше было гораздо больше, и они находили себе занятие: «мафия», «манчкин», гитара. А сейчас... В «мафию» втроем не поиграешь, и вообще.

– Леха, чего гитару не взял? – Глупый вопрос, но надо же как-то поддержать разговор!

– Ага! Беру гитару, говорю: «Бабушка, я пошел в школу»...

– Ну и что? Соврал бы про какой-нибудь концерт. Последний день, она бы поверила...

– ...И сама бы устроила мне концерт! Ой, смотрите! – Леха показывал вниз, под самые ноги, где был Никитин подъезд. У подъезда, перекрыв дорогу и машинам, и пешеходам, стоял милицейский «Форд».

– Вызвал-таки!

С места никто не сдвинулся. Во-первых, машина просто стояла: никто в нее не садился, никто не выходил. Может, она приехала по своим делам, постоит и уедет. А если так, то убегать и паниковать рано. И совсем некрасиво бежать и паниковать первым, поэтому все сидели молча и ждали, что будет.

«Форд» стоял, не подавая признаков жизни. Из-за тонированных стекол даже не было видно, есть там кто или нет. Если вставать и убегать сейчас – движение на крыше может привлечь внимание тех, кто в машине.

– Там вообще есть кто-нибудь? – и тут за спиной послышался топот.

По жестяной крыше, тяжело балансируя, шли двое, а на слух казалось, что целый взвод. Леха и Дэн вскочили и побежали по крыше, к соседнему окну: во втором подъезде тоже есть открытая дверь на чердак.

– Стоять! – Двое в милицейской форме, кажется, и не надеялись догнать мальчишек. Неуклюже тряся животами, они целенаправленно спускались к Никите.

До него только сейчас дошло, что надо бы уже подниматься и бежать. Попадать в милицию, а потом объясняться с отцом – кому это надо? Никита вскочил, но неудачно: одна нога встала на крышу, другая застряла в прутьях перил и чуть не сдернула вниз – десять этажей! Обошлось. Развернулся и упал на живот, удержался раскрытыми ладонями на липкой жести, как муха на стене.

– Не шевелись, парень! – Эти в форме были уже в двух шагах от него. «Не шевелись!», как же, как же. Никита освободил застрявшую ногу, скovyрнув кроссовку о перила, взобрался повыше на четырех костях и побежал за ребятами к соседнему окну.

– Стой, тебе говорят! – Один протянул руку и чуть было не сцапал Никиту за шиворот, но тот прыгнул вперед, упал на ладони, по инерции ушел в кувырок и покатился по кривой в сторону низеньких перил...

– Стой!

Никита еще пытался тормозить ногами, а голова и руки были уже высоко над землей. По животу шкрябнули перила, что-то ухнуло и оборвалось в груди – так бывает, когда проваливаешься в сон.

Глава III

Лошадь под лавкой

Небо перед глазами было странно серым. Не как осенью, а как если бы Никита был в солнечных очках: и небо, и облака были как будто за тонированными стеклами. Ничего не болело, хотя лавочка у подъезда, на которой он лежал, не давала обмануться: кое-кто сверзился с крыши. И кроссовка потерянная была на нем... Никита приподнялся на локтях, сел (и это было не больно), ощупал руки и ноги. Десять этажей! И ничего не сломано вроде, и даже сердце не ухает в ушах, как бывает в момент опасности. Дом, подъезд, деревья, скамейка – все было странно-серого цвета. «Может, я сплю? – решил Никита. – Или без сознания? Или...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.